

Ота Нампо. Дарума, отвернувшийся от мира. Свиток. Тушь, бумага.
Общий вид в окантовке. Начало XIX в. Коллекция Евгения Штейнера

Е. С. Штейнер

Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

DOI 10.69538/PV.2024.29.98.015

**ЭХ, САКЭ И СЯМИСЭН!
(О СВИТКЕ «ДАРУМА, ОТВЕРНУВШИЙСЯ ОТ МИРА»)**

В своем эссе я подробно прокомментирую свиток японского интеллектуала по имени Ота Нампо (大田南畝, 1749—1823), который был известный в свое время поэт, художник и каллиграф. Свиток доселе не был опубликован; он находится в моей коллекции. Я купил его в 2017 г. в Галерее японского искусства Бакман-Экенштайн (Базель). Название я придумал к случаю. Обычно картины с подобной иконографией называются «Дарума лицом к стене» или просто «Дарума».

Несколько вводных слов о художнике: Нампо (это его наиболее часто использовавшийся псевдоним, означающий Южный Гребень [горы]) происходил из семьи мелких самураев. Он родился в Эдо и служил всю жизнь в качестве чиновника в разных ведомствах сёгуната. Он считался большим остроумцем и изучал китайскую комическую поэзию *кёси* 狂詩 под началом известного ученого Хирага Гэнная (平賀源内, 1728—1780). Наиболее заметны его успехи были, однако, не в *кёси*, а в *кёка* 狂歌 — комической поэзии в формате танка, но с неканонической лексикой и смелыми, подчас дерзкими и неприличными темами и образами. Последнее даже способствовало тому, что в 1780-е гг. начальство посоветовало ему оставить легкомысленную поэзию, и на несколько лет он подчинился. Нампо был натурой общительной и душой многих компаний, в которых бражничал и занимался совместным творчеством с друзьями и приятелями. Собственно, вся культура и жизненный уклад позднего периода Эдо была культурой соучастия¹. Среди его друзей были Хокусай (北斎, 1760—1849; Нампо написал предисловие к одному из выпусков «Манги Хокусая») и другие художники — ученик Хокусая Тэйсай Хокуба (蹄斎北馬, 1771—1844), Тёбунсай Эйси (鳥文斎栄之, 1756—1829), Сакаи Хоицу (酒井抱一, 1761—1828) и др.; поэты и писатели Сикацубэ Магао (鹿都部真顔, 1753—1829), Кикүти Годзан (菊地五山, 1769—1849), Санто Кёдэн (山東京伝,

¹ См. на тему культуры партиципации и неформального общения: *Ikegami Eiko*. *Bonds of Civility: Aesthetic Networks and the Political Origins of Japanese Culture*. New York, 2005.

1761—1816); актер Кабуки Итикава Дандзюро Пятый (市川團十郎, 1770—1791), и, разумеется, модные куртизанки.

Нампо был классически образован и хорошо начитан в китайских и японских древностях. Это хорошо видно из его короткого предисловия к Третьему выпуску «Манги Хокусая», при публикации которого примечания, необходимые современному читателю, занимают больше места, нежели сам текст. Приведем его, дабы оттенить обманчивую простоту свитка, который служит главной темой нашего эссе. Этот текст был впервые переведен на русский язык и напечатан в 2016 г. в ныне практически недоступной книге «"Манга Хокусая": Энциклопедия старой японской жизни в картинках»¹:

Легко изобразить невидимых глазу чертей или богов, а вот обычных людей, которые повсюду, — трудно². Так ведь и старинные футляры для огнива или мешочки для листков со стихами непохожи на новые фасоны от Марукакэ или Эцукава³; а парадный [обед] в стиле «семь-пять-три»⁴ отличается от меню «Яодзэна»⁵.

Вот здесь перед нами [книга] Хокусая из Кацусики. Всё, что он видел глазами, и всё, что почувствовал сердцем, безошибочно передал он своей подвижной кистью — и форму, и дух. Здесь всевозможные людские дела и заботы — подделать их невозможно; они перед нашими глазами — нельзя не изумиться.

¹ Штейнер Е. С. Манга Хокусая: Энциклопедия старой японской жизни в картинках. Полная публикация, исследование и комментарий. В четырех книгах. СПб., 2016.

² Это утверждение представляет собой свободную цитату из китайского классика Хань Фэй-цзы (韓非子, 280?—233 до н. э.). На вопрос вана царства Ци — кого труднее, а кого легче всего нарисовать, некий художник ответил: «Собак и лошадей — труднейше. Чертей и духов — проще всего» (犬馬難。鬼魅最易). Он далее пояснил, что черти (демоны, чудища, духи, привидения) не имеют облика и не показываются перед всеми подряд, поэтому, в отличие от собак и лошадей, люди не знают, как они выглядят (и не обвинят художника в несоответствии). («Хань Фэй цзы», кн. 11, гл. 32).

³ Футляры для огнива — *хиути-букуро*; для стихов — *ута-букуро*. Марукакэ и Эцукава (в тексте Этикава) — модные лавки *фукуромоноя* (сумок, кисетов и прочих мешочков), первая — в квартале Нихонбаси близ Ёсивара, вторая — около пруда в Уэно.

⁴ «Семь-пять-три» здесь не имеет отношения к детскому празднику, но соответствует троичному набору блюд (семь закусок, пять основных и три десерта) в традиционном стиле *кайсэки*.

⁵ «Яодзэн» (八百善, букв.: ‘Восемьсот добродетелей’) — знаменитый ресторан, популярный в эру Бунка-Бунсэй (1804—1830) среди художников и поэтов; располагался в богемном (изначально — малоприличном) районе Асакуса-Санъя по соседству с Ёсивара. Мастера *укиё-э* часто изображали пирушки в «Яодзэне». Его владелец Яоя Дзэнсирō (八百屋善四郎, 1768—1839) опубликовал на склоне жизни книгу рецептов блюд, подававшихся в «Яодзэне» (в 4 томах).

Так, даже пейзажи Ба Эна и Каку Ки уступают [нашим] «Трем видам»¹, равно как и Тиэда и Цунэнори, художники из «Гэндзи»², застыли б в замешательстве³, увидав [нынешние] парчовые картин-ки⁴ из [далекого] Восточного края⁵. Как ни глянешь, воззрения лю-дей нынешнего мира превосходны, а в людях былых времен была какая-то простоватость⁶.

Сёкусандзин⁷.

Подпись Сёкусандзин 蜀山人 наличествует в нашем свитке и означает «Человек с горы Шу» — с китайской горы, известной жи-вописными видами и историями о возвышенных поэтах-отшельни-ках близ г. Хэфэй в пров. Анхой. Помимо сего (и в значительно боль-шей степени) эта гора известна сейчас по китайскому поп-сериалу 2015 г. с фантастическим сюжетом и не менее фантастическими ма-стерами воинских искусств.

По форме свиток представляет собой *какэмоно* (掛物 вертикально повешенный свиток) — с точки зрения формата; *сигадзюку* (詩画軸 свиток с изображением и стихотворной надписью) — по видовой принадлежности; и *хайга* (俳画 картина с лаконичным ри-сунком и кратким стихотворением) — в жанровом отношении.

¹ Ба Эн — *кит.* Ма Юань (馬遠 1140—1225), великий китайский художник, жив-ший при империи Южная Сун. Ка ку Ки — *кит.* Го Си (郭熙 (1023—1085?), знаменитый художник, живший при империи Северная Сун. «Три вида» (三景 *санкэй*) — знаменитые местности в Японии, канонизированные ученым Хая-си Радзаном (林羅山, 1583—1657) в 1642 г.: 1) сосновые роши на острове Ма-цусима, 2) залив Ама-но Хасидатэ, 3) синтоистские ворота в проливе близ ост-рова Миядзима. Они имеют прямое отношение к нашему свитку.

² Два этих художника упоминаются в романе «Гэндзи-моногатари» в главе «Сума». Они жили в середине X в.

³ Букв.: ‘заткнулись бы’ (*хэйкō* 閉口).

⁴ Цветная гравюра. Это выражение («парчовые картинки из Адзумы») впервые появилось в 1766 г. в названии серии гравюр Судзюки Харунобу (鈴木春信, 1727—1770). Через год Нампо употребил его в своей первой книжке «Нэ-борэ-сэнсэй бунсё» (寢惚先生文集 «Литературные сочинения Сонного На-ставника», 1767).

⁵ Так (Адзума) назвали местность, где впоследствии был построен город Эдо. Т. е. Нампо не без юмора противопоставляет современные дешевые картинки из не-когда отдаленной провинции придворным художникам древности. На подобном эффекте — возвеличивание низкого и иронизирование над старинным высо-ким — построено всё его Предисловие.

⁶ Назвать утонченных придворных художников аристократической поры «Гэндзи-моногатари», а равно и великих китайских мастеров одухотворенных философ-ских пейзажей простоватыми (букв.: ‘туповатыми’) — вершина иронии, но так-же и гордости за свою простецкую культуру. Впрочем, не так уж автор и прост.

⁷ Штейнер Е. С. Манга Хокуся. Т. 1. С. 65 и 192.

Приступая к описанию, хочется прежде всего воскликнуть: какое удовольствие разбирать корявые почеркушки, намалеванные пьяной метлой! Так аттестовали манеру молодого Делакруа, но и для нашего японца подходит — тем паче, что метла (метелка) на картинке наличествует, а опьянение подразумевается в тексте!

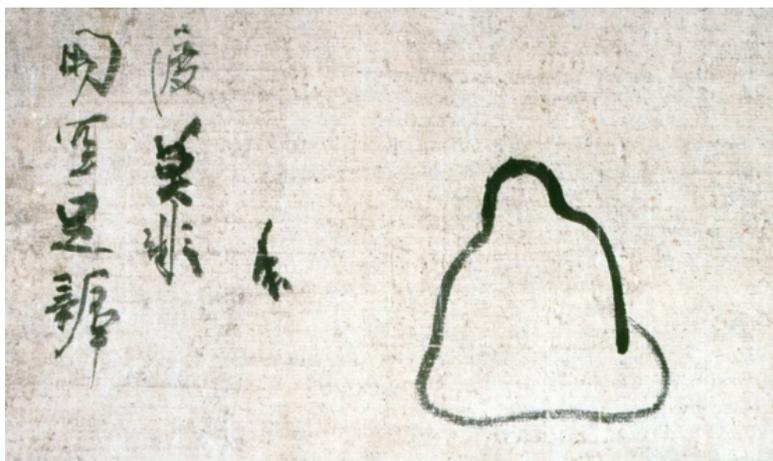
Вот он:

やよ達摩
ちとこちらむけ
世の中は
月雪花に
酒と三味線

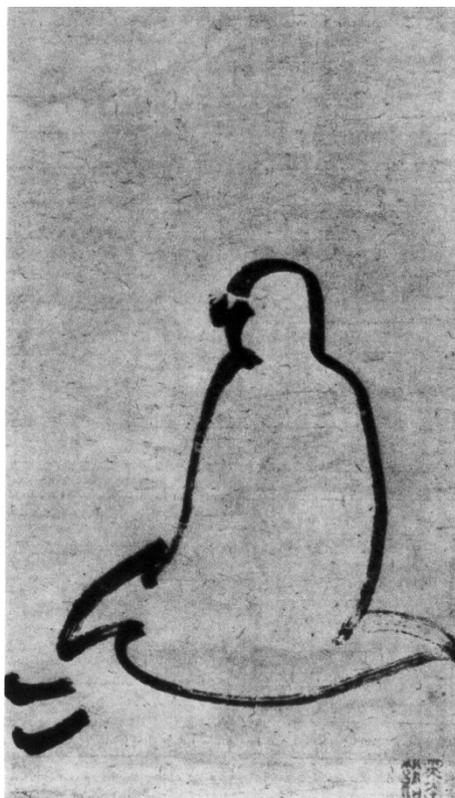
Яё Дарума
тито котира мужэ
ё-но нака ва
гэцу юки хана ва
сакэ то сямисэн

Эгей, Дарума,
Повернись на миг сюда —
В этом мире ведь
Во все года времена
есть сакэ и сямисэн

Итак, на свитке изображена не груша с какими-то невразумительными штрихами слева от нее, а Дарума, полулегендарный первый патриарх школы Дзэн. Изображался он бесчисленное число раз, и посему его иконография была хорошо знакома аудитории. Достаточно было очертить контур его фигуры в широкой рясе с капюшоном, сидящим спиной к зрителям, чтобы просвещенный зритель узнал Даруму, сидящего лицом к стене в девятилетних попытках сподобиться просветления. Этот стиль изображения назывался *иттицу дарума* (一筆達磨 Дарума одной кистью, т. е. одной линией), см., например, картины Сога Боккэя (曾我墨溪, ?—1473?) или Дзиуна (慈雲, 1718—1805).

Дзиун. Дарума одной чертой. Свиток. Тушь, бумага, XIX в.

Боккэй. Дарума одной чертой. Свиток. Тушь, бумага. XV в.

Несложно увидеть, что на самом деле линий, коими очерчена почти идеальная груша Дарумы, две, а не одна. Но это не столь важно, ибо принцип — пустой контур без каких-либо деталей, соблюден. В формальном отношении это противоположность первым изображениям Дарумы — фронтально и с прорисовкой деталей. На нашем свитке Дарума, согласно иконографии, сидит лицом к стене. Такой извод называется *мэнпэки Дарума* (面壁達磨 «Дарума лицом к стене»), что и обыгрывается в первых двух строках стихотворения. Напомним, что перед нами краткостишие жанра *кёка* (букв.: ‘сумасшедшие песни’), большим мастером коего Ота Нампо был. Зачем непочтительный насмешник Нампо говорит это, мы разберем чуть позже, а пока, чтобы закончить с визуальной частью свитка, обратим внимание на невнятные сухие поскребышки, изображенные рядом с левым боком Дарумы, — весьма условное и лаконичное изображение мухогонки-*хоссу* 払子, выполненное кистью с

практически отсутствующей на ней тушью. *Хоссу*, палочка-жест с прикрепленным к ней пучком конских волос, служила символом смахивания земных желаний, равно как и вполне прозаической цели отгонки мух. С развитием дзэнской обрядности *хоссу* стала обозначать авторитет и власть мастера.

Мухогонка *хоссу*

Вернемся к стихотворению. Зачем поэт приглашает патриарха повернуться к этому миру? Начать с того, что выражение *ё-но нака* было одним из устойчивых клише классической японской литературы. Этот мир был «наш» — в отличие от потустороннего. Это был «бренный, быстротечный» мир (*укиё*), воплощением и отображением которого служили картинки бренного мира (*укиё-э*) и безумные стихи современности (в противоположность старинным благородным *танка*). Так что же есть в нашем мире, что может соблазнить Даруму отвернуться от стены? — «Во все года времена есть сакэ и сямисэн». То есть выпивка, музыка (а сямисэн считался в то время легкомысленным инструментом, на котором бренчали гейши да куртизанки, — что намекает на дополнительный соблазн: девочки!).

Мой перевод «во все года времена» в оригинале соответствует трем словам, записанным тремя иероглифами: «луна, снег, цветы». Их сочетание издавна использовалось в синосфере в значении «времена года, сезоны». Луна — осень, снег — зима, цветы — весна. Если к этому прибавить еще птицу, то получится полный набор

(*катё гэссэцу*, т. е. «цветы, птица, луна, снег»). У основателя школы Сото в японском Дзэн Догэна (道元, 1200—1253) было такое стихотворение:

春は花	<i>хару ва хана</i>	Весною — цветы
夏ほととぎす	<i>нацу хототогису</i>	летом — кукушка
秋は月	<i>аки ва цуки</i>	осенью — луна
冬雪きえて	<i>фую юки кизэдэ</i>	зимой — нетающий снег
すずしかりけり	<i>судзуси карикэри</i>	прохладный и чистый

Его прославил Ясунари Кавабата (川端康成, 1899—1972), начавший свою Нобелевскую речь (1968) с цитирования Догэна. А еще Кавабата там же цитировал некоего профессора Юкио Ясиро (矢代幸雄, 1890—1975), («международно известный исследователь Боттичелли»), который «сказал однажды, что особенность японского искусства можно передать одной поэтической фразой: "Никогда так много не думаешь о друзьях, как глядя на снег, луну или цветы"» (пер. Т. П. Григорьевой). Да, это те самые снег-луна-цветы, которые есть в веселом стихике Нампо. Замечу, что я изумился тому, что Кавабата приводит поэтическую строчку из Бо Цзюй-и (白居易, 772—846) в переложении на современный японский (雪月花の時、最も友を思ふ) некоего японского специалиста по Боттичелли, давно уже неизвестного миру, но не называет имя самого китайского поэта! Трудно поверить, что Кавабата не был начитан в китайских классиках и не знал источник цитаты. Но кто знает... Sic transit... — и слава бедного профессора Ясиро (да, он издал в 1920-е гг. книжку про Боттичелли) и даже танского классика Бо Цзюй-и, в свое время обоженственного в Японии под именем Хакуракутэн (от кит. Бо Лэ-тянь 白樂天).

Бо Цзюй-и писал так: 雪月花時最憶君 «Когда [вижу] снег, луну и цветы, — больше всех вспоминаю тебя». Стихотворение было посланием далекому другу Инь Се-люю (殷協律) из Чанъани в Цзяннань. В Японии это стихотворение (два семисложных катрена) было известно со времен антологии китайской и японской поэзии «Вакан рэйсю» (和漢朗詠集, «Собрание японских и китайских стихов для декламации», ок. 1013) или даже несколько раньше. Оно было помещено в раздел «Стихи о дружбе», и интересующая нас строка звучала в оригинале так: *сюэ юэ хуа ши цзуй и цзюнь*. Те японцы, которые не могли озвучить китайские слова (здесь, и именно здесь, уместно слово «озвучить» — непотребное и произносимое нынче все) огласовывали их так: *сэцугэцца-но токи, моттомо кими-о омоу* (雪月花の時 最も君を憶ふ) — как видим, это близко к переводу на современный японский, что привел в своей речи Кавабата со ссылкой на Ясиро.

Сочетание «луна-снег-цветы» было известно в Японии еще задолго до «Вакан рэйсю», но в несколько иной комбинации. Отомо-но Якамоти (大友家持, 718—785) описывал эту триаду так:

雪の上に照れる月夜に梅の花折りて送らむはしき子もがも

Юки-но уэ-ни
тэрэру цукуё-ни
умэ-но хана
Оритэ окураму
хасики ко мо га мо

Когда была б ты здесь, прекрасное дитя,
Чтоб этой дивной лунной ночью,
Когда сверкает на снегу луна,
Я б мог сорвать цветы душистой сливы
И отослать тебе, любимая моя...

Манъёсю, 18:4134 (Пер. А. Глускиной).

А если вспомнить, что стихотворение Якамоти было написано около 749 г., а стихотворение Бо Цзюй-и — в 825-м, то выходит, что поэтическая триада «луна-снег-цветы» возникла первой в Японии, но у танского классика она была сформулирована более четко.

В хэйанские времена стихи Бо Цзюй-и знали все приличные люди — вот, например, известный пассаж у Сэй Сёнагон (清少納言, ок. 966—1017?):

В царствование императора Мураками однажды выпало много снега. По приказу государя насыпали снег горкой на поднос, а сверху воткнули ветку цветущей сливы. В небе ярко сияла луна.

— Прочти нам стихи, подходящие к этому случаю, повелел император даме-куродо Хёэ. — Любопытно, что ты выберешь.

— Снег, и луна, и цветы... — продекламировала она к большому удовольствию государя.

(Дан 175. Пер. В. Марковой)

Кстати, саму Сэй Сёнагон эдоские пересмешники любили изображать олицетворением снега в такой триаде, присудив Мурасаки Сикибу (紫式部, 973? — 1014?) персонифицировать луну, а Ононо Комати (小野小町, ок. 825—ок. 900) — цветы. Так, ведущий художник стиля *укиё-э* Кацукава Сюнсё (勝川春章, 1726—1793), учитель Хокусая, написал триптих *какэмоно* на эту тему. Придворные дамы аристократической эпохи Хэйан представлены в виде красавиц современного художнику брэнного мира, согласно эстетическому приему *митатэ* — аллюзия, воспроизведение (часто юмористическое) классических сюжетов или персонажей в иной, приближенной к реалиям окружающего мира манере. Интересно, что ключевые образы — снег, луна, цветы — изображены маленькими и не сразу заметными; интерес Сюнсё смещается с изображения класси-

ческого пейзажа на воспевание красавиц в модных нарядах. И поскольку триада *сэцугэка* символизирует цикл времен года, красавицы символизируют тот же годовой круг за разными сезонными занятиями.

Кацукана Сюнсё. Снег-луна-цветы, или Сэй-Сёнагон, Мураками Сикибу и Оно-но Комати. Триптих. Краски, шелк. XVIII в.

В эпоху Эдо набор «снег-луна-цветы» служил для обозначения «трех лучших в Японии». Например, «Три вида»: снегом лучше всего было любоваться в местности Аmanoхасидатэ (воспетой еще в живописи Сэсю в XV в.); глядеть на луну — на острове Мацусима; наслаждаться цветами (конкретно красными листьями клена) — на острове Миядзима. Или «Три знаменитых сада»: снег — Кэнрокуэн, луна — Коракуэн, цветы (сакуры) — Кайракуэн.

Разобрав подробно разновидности и культурные составляющие триады *сэцугэка*), пора вернуться к изначальному стишку с нашего свитка, ибо, приближаясь к завершению нашего эссе, настало время сказать, что Ота Нампо — истинный эдоский *асобинин* (遊人, *homo ludens*), исповедовавший веселое игровое отношение к жизни, — был мастером иронических аллюзий и ирреверентных референций. Все высокие материи, с Бо Цзюй-и и Сэй Сёнагон начинаемая, точнее — нет: с Дарумы начиная! — наш автор осмеял, ибо творил в стилистике *кёка* («безумных стишков») и любил погулять с народом, выпить и послушать брэнчанье на сямисэне. У почтенного Бо, кстати, в предыдущей строке его печального послания к далекому другу фигурировали *цинъ* (琴, япон. *кото*) — высокородная цитра, в отличие от плебейского сямисэна (прообраза, говорят, русской балалайки, чему я не верю), а также выпивка (酒 *цзю*) — прообраз японского сакэ.

В мире позднего Эдо, где любили снять с классики пафос и добавить смешной похабели (вспомним, что по-ученому это называется *митатэ* 見立), сакэ и сямисэн противопоставляются возвышенным сезонным маркерам «луна-снег-цветы» не просто так. Сямисэн, как я уже вскользь заметил ранее, в то время был преимущественно инструментом гейш и *юдзё* — жриц платной любви, и, хоть простой народ тоже любил побренчать на нем, секс-коннотации этого инструмента в то время еще не исчезли. Короче, веселый автор приглашает Даруму погулять — и тем самым продолжает длинную линию картинок и стихов на тему «Дарума и проститутки», или «Монах и куртизанка». Но об этом я писал уже давным-давно¹.

¹ См.: Штейнер Е. С. Дзэн-жизнь: Иккю и окрестности. СПб., 2006. С. 91—105.

Evgeny Steiner.
Oh, Sake and Shamisen
(on the Scroll «Daruma who turned away from the World»)

In this essay, I comment in detail on a scroll by a Japanese intellectual named Ota Nampo (大田南畝, 1749—1823), who was a famous poet, artist and calligrapher in his time. The scroll has not been published before; it is in my collection. I bought it in 2017 at the Bachmann-Eckenstein Gallery for Japanese Art in Basel. I came up with the name for the occasion. Usually, paintings with such iconography are called «Daruma Facing the Wall» or simply «Daruma». The emphasis is made on Chinese poetic allusions and the concept of *setsugekka* (snow-moon-flowers) in Japanese classical culture.